

Текст: Василий Авченко

ГОРОД-САД ИУЛИАНА ХРЕНОВА

КАК СЛОЖИЛАСЬ СУДЬБА БОЛЬШЕВИКА, УВЕКОВЕЧЕННОГО В ЗНАМЕНИТОМ СТИХОТВОРЕНИИ

М

Маяковский умел сказать хлестко — как гвоздь вбить одним ударом. Многие его фразы до сих пор живут в нашей речи: «планов громадье», «человек и пароход», «светить — и никаких гвоздей»... И, конечно, — «здесь будет город-сад» из стихотворения «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка».

Хренов — лицо подлинное и незаурядное. Его и звали необычно — Иулианом.

Вечерний разговор с Маяковским

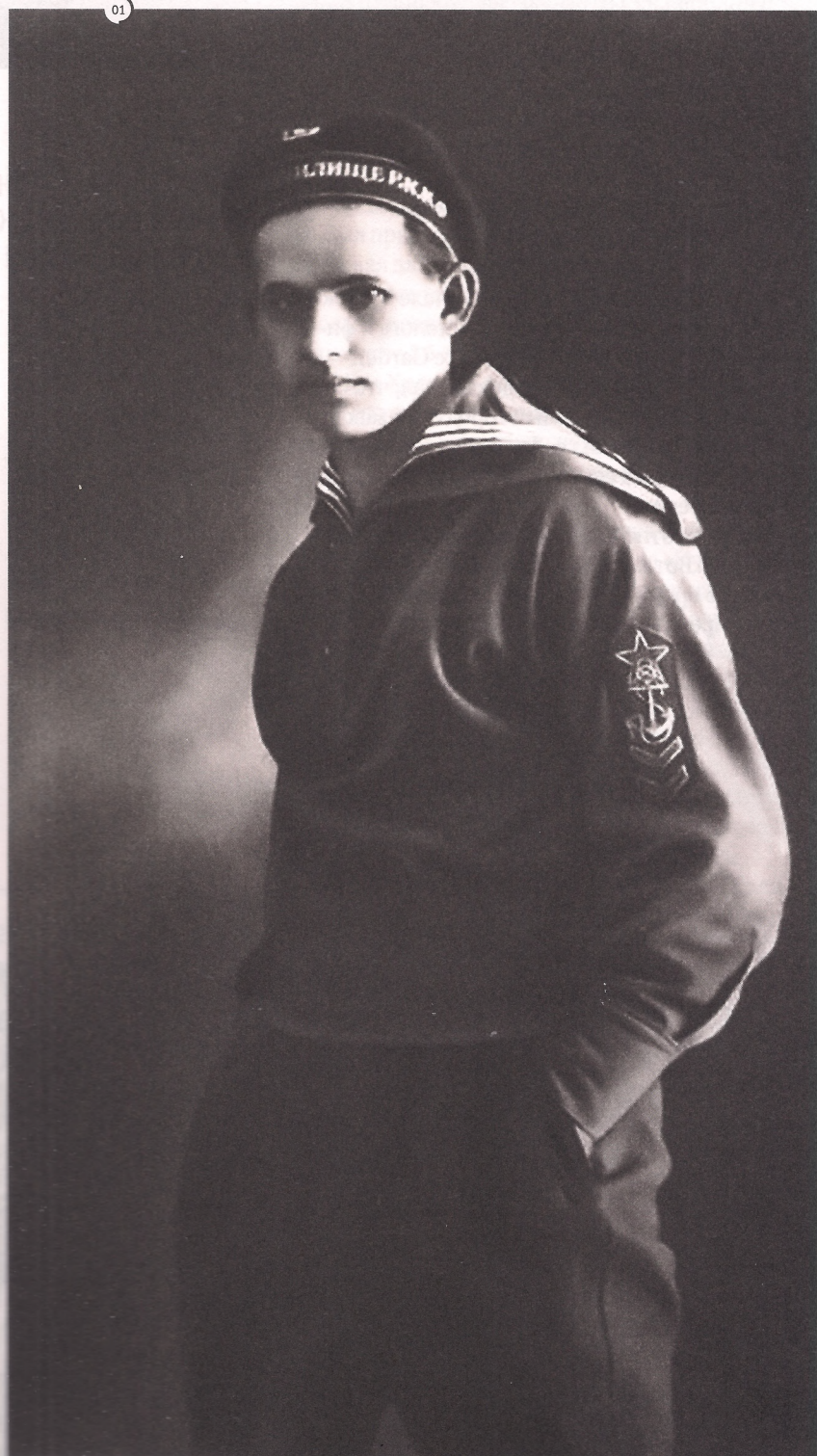
Иулиан Петрович Хренов родился в 1901 году в селе Лежнево Ивановской области. С 1918 года — большевик, возглавлял районную парторганизацию. Служил комиссаром в 13-й и 14-й армиях РККА. В 1921 году — делегат X съезда РКП(б), участник подавления Кронштадтского восстания. В Ленинграде окончил Военно-морское инженерное училище, но моряком не стал, а продолжил образование в Московском промышленно-экономическом практическом институте...

В 1929 году члена Центрального комитета профсоюзов рабочих-металлистов Иулиана Хренова командировали на Кузнецкстрой. Огромный металлургический комбинат должен был стать сердцем нового города, заложенного рядом со старинным Кузнецком. Главным инженером Кузнецкстроя стал выдающийся металлург, впоследствии вице-президент Академии наук СССР, Герой Соцтруда Иван Бардин.

О том, чем там занимался Иулиан Хренов, информации немного. Вроде бы организовал ячейку Осоавиахима. Но доподлинно извест-

°1

Иулиан Хренов
(1901—1946), курсант
Военно-морского
инженерного училища.

но, что вернувшись в Москву, он пришел в гости к Маяковскому, с которым дружил с 1926 года.

На этой встрече присутствовал литературовед Василий Катанян, позже писавший: «Помню этот житейский рассказ... о трудностях, мокром хлебе, простейшей крыше над головой, о миллионе вагонов стройматериалов, которые будут превращены в город... И помню потом свое безграничное удивление, когда вдруг увидел в журнале, как горячо сплелись эти детали с чувством и воображением поэта».

В ноябре 1929 года «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» вышел в журнале «Чудак», позже — в «Комсомолке». Маяковский описал тяжелейшие условия труда: рабочие сидят в грязи, жгут лучину, едят подмокший хлеб. Но при этом повторяют, как закливание:

*Через четыре года
Здесь будет город-сад!*

«Город-сад» — популярная в начале XX века концепция-мечта английского социолога и философа Эбенизера Говарда. В работе *Garden Cities of Tomorrow* (1898) он доказывал, что современный индустриальный город с его заводами и трущобами изжил себя. Говард мечтал о поселениях, которые сочетали бы лучшие качества города и деревни.

В России эти идеи тоже принимались близко к сердцу. Вот и рабочий поселок кузнецкстроевцев одно время назывался «Сад-город», о чем, видимо, Хренов рассказал Маяковскому.

ВЕРНУВШИСЬ С КУЗНЕЦКСТРОЯ, ХРЕНОВ ПРИШЕЛ В ГОСТИ К МАЯКОВСКОМУ, С КОТОРЫМ ДРУЖИЛ. РАЗГОВОР О ТЯЖЕЛЫХ УСЛОВИЯХ СТРОЙКИ БЫЛ ПРЕДЕЛЬНО ОТКРОВЕННЫМ...

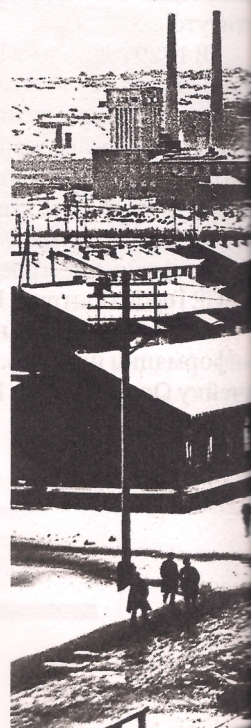

°2
С женой и дочкой.

°3
Молодежь на строительстве Кузнецкстроя.

«Всё там было невыносимо и прекрасно»

Сам Маяковский в Кузбассе не бывал, но его стихи добрались сюда стремительно. Писатель Александр Смердов вспоминал, как готовилось бетонное основание под домну: «Буря норвил смахнуть с лесов плотников, строивших тепляки над будущими цехами, мороз так прокаливал железо, что к нему при-

мерзали ладони арматурщиков». Для бодрости арматурщик Володя «застуженным голосом» выкрикивал стихи о городе-саде...

Главный инженер Кузнецкстроя Иван Бардин впоследствии напишет: «Поэт Маяковский в самые, быть может, тяжелые времена жизни Кузнецкстроя, в момент, когда приехавшая на строительство первая комиссия «распушила» нас в пух и прах, написал свой «Рассказ о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка»... Этим он поддержал наш дух, и мы продолжали начатое дело».

«Распушила», видимо, за дело: даже из стихов видно, что элементарных бытовых условий на стройке поначалу не было. Да и сам Бардин приводит такую, например, деталь: «Когда на половине котлована вдруг обнаруживались пльвуны, котлован продолжали рыть, стоя по пояс в ледяной воде... Экскаваторы задыхались на морозе, но каменную землю надо было во что бы то ни стало разломать».

Техника задыхалась — люди задышаться не имели права. Как позже напишет побывавший на стройке Илья Эренбург, «всё там было невыносимо и прекрасно».

Написал о стройке вслед за другом-поэтом и Иулиан Хренов — брошюру «От Кузнецкстроя к Кузнецкому металлургическому гиганту». А вскоре его назначили заместителем директора строившегося на Донбассе Новокраматорского машиностроительного завода. В 1935 году Хренов возглавил Славянский изолиторный завод, не выполнявший план, и уже через год предприятию вручили переходящее Красное знамя Наркомтяжмаша.

05

Колымский томик

Маяковский даже не подозревал, насколько был прав, сравнивая поэзию с добычей радия. Добывая для читателя светящую строку, поэты облучаются, и порой — смертельно. Через несколько месяцев после написания стихов о Кузнецкстрое 36-летний Маяковский застрелился.

Для Хренова фатальным стало число 37: 1937 год он встретил за решеткой, куда попал по обвинению в контрреволюционной троцкистской деятельности. Был осужден на пять лет лагерей.

Писателя Варлама Шаламова везли из Владивостока на Колыму на пароходе «Кулу» вместе с Хреновым. «На руках у арестантов не было ничего, кроме свитеров, пиджаков, брюк, — наиболее предприимчивые выменивали на эти вещи хлеб, сахар, масло у команды... Среди этих тысяч людей лишь один человек был с книгой — Ян Хренов. Книга, которую он взял в трюм, берёт и перечитывал — однотомник Маяковского... Желаящим Хренов отыскивал в книге страницу и показывал стихотворение «Рассказ Хренова о людях Кузнецка», — вспоминал Шаламов.

Оба попали на прииск «Партизан». Шаламов писал: «Болезнь спасла Хренова. Серьезное заболевание сердца, да еще камни в печени дали возможность Хренову работать на «легких работах», получать повышенный паек... В зиму 1938 года Ян Петрович работал «пойнтистом» — бурил горячим паром, что тоже было посылно, несмотря на холод и голод... В декабре 1938 года меня с «Партизана» увезли, и я потерял следы Хренова».

Еще одно свидетельство — записки «Личное дело» колымчанина Михаила Выгона:

«Больше месяца о Хренове ничего не было слышно, и вдруг — лагерная сенсация: рота усиленного режима (РУР) впервые за долгое время почти в полном составе вышла на работу. Если учесть, что ее составляли самые отъявленные бандиты, воры, «короли» блатного мира, считавшие всякую работу уделом «фраеров», то эта весть не могла не вызвать изумления. Оказалось,

04
Новокузнецк. 1932 год.

05
Дальстроевский пароход «Кулу».

ТАСС

причиной этого был Ян Петрович... Для меня до сих пор остается загадкой, как он смог подчинить своей воле этот уголовно-анархический сброд... Ко всеобщему удивлению, урки выбрали его своим бригадиром, и эта необычная бригада работала с таким напором, что получила право участвовать в «празднике по случаю выполнения плана по добыче золота», а следовательно — допаяк и кое-какой передых от казематов РУРа. После этого Хренова освободили из РУРа и поставили машинистом парового котла — бойлера, правда, ненадолго. Скоро он опять стал бригадиром другой бригады».

Выгон отзывался о Хренове с огромным уважением: «Он был на пятнадцать лет старше меня и физически слабее, изматывался больше, но духом был сильнее. Он говорил: «Держись. Борьба за правду требует неистребимой веры в справедливость».

Хренова освободили в конце 1943 года, оставив на Колыме вольнонаемным. Он возглавил участок прииска «Туманный», позже стал начальником прииска «Штурмовой». К нему приехали жена и дочь Елена, на которой женился, выйдя на поселение, Михаил Выгон.

Вскоре Хренова уволили по инвалидности и разрешили вернуться на «материк», но Колыма его не отпустила. 9 сентября 1946 года 45-летний Хренов скончался в Магадане, уже на пути домой, от сердечного приступа.

Посмертно его реабилитировали. И вернули фамилию в заглавие знаменитого стихотворения...

°6
П. Котов.
Кузнецкстрой.
Домна № 1.
1931 год.

Владимир Маяковский Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка

К этому месту будет подвезено в пятилетку 1 000 000 вагонов строительных материалов. Здесь будет гигант металлургии, угольный гигант и город в сотни тысяч людей.

Из разговора.

По небу	тучи бегают,	«Через четыре	года
дождями	сумрак сжат,	здесь	будет
под старую	телегою		город-сад!
рабочие лежат.		Здесь	взрывы закудахтают
И слышит		в разгон	медвежьих банд,
вода	шепот гордый	и взроет	недра
и под			шахтою
и над:		стоугольный	«Гигант».
«Через четыре	года	Здесь	встанут
здесь	будет		стройки
	город-сад!»		стенами.
Темно свинцовоночие,		Гудками	пар,
и дождик			сипи.
толст, как жгут,		Мы	в сотню солнц
сидят	в грязи		мартенами
сидят,	рабочие,	воспламеним	Сибирь.
Сливеют	лучину жгут.	Здесь дом	дадут
губы			хороший нам
но губы	с холода,	и ситный	без пайка,
	шепчут в лад:		аж за Байкал
«Через четыре	года		отброшена
здесь	будет		попятится тайга».
	город-сад!»	Рос	шепоток рабочего
Свела		над тенью	тучных стад,
промоглось	корчею—	а дальше	неразборчиво,
неважный			лишь слышно—
	мокр		«город-сад».
сидят	уют,	Я знаю—	город
	впотьмах		будет,
подмокший	рабочие,	я знаю—	саду
	хлеб жуют.		цветь,
Но шепот		когда	такие люди
громче голода—			в стране
он кроет	капель		в советской
	спад:		есть!

